

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА / DISCUSSION PLATFORM

Серия «Политология. Религиоведение»

2017. Т. 20. С. 137–156

Онлайн-доступ к журналу:

http://izvestia_polit.isu.ru/ru/index.html

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 94(47)+(57).084.9

Последние месяцы СССР: московские воспоминания и расставание с иллюзиями. Четверть века спустя

В. Н. Казарин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Приведены свидетельства очевидца событий в жизни столицы в период распада СССР. Дано описание настроений в обществе летом 1990 г., особенно после поражения ГКЧП осенью–зимой 1991 г. На конкретных примерах автор показал резкое ухудшение экономической и финансовой ситуации в этот период. Показаны ожидания людей, прежде всего преподавательского состава вузов, по выходу из системного кризиса, в котором оказалась страна. Сделан вывод о том, что в те месяцы 1991 г. распад СССР стал неизбежен. Четверть века спустя стали очевидны завышенные, во многом романтические, иллюзорные представления о будущем государства и мирового устройства. Страна и мировое сообщество стали не такими, какими их многие представляли в период крушения СССР.

Ключевые слова: СССР, Москва, 1991 г., распад государства, современные проблемы мирового развития.

Обратиться к этой теме автора побудило оживленное обсуждение в электронных и печатных средствах массовой информации событий августа 1991 г. и всего того, что за ними последовало. Никаких мероприятий на государственном уровне по этому случаю проведено не было; не дана и официальная оценка тем событиям, за исключением лишь, пожалуй, часто цитируемой фразы В. В. Путина о том, что распад СССР явился крупнейшей геополитической катастрофой XX в., сказанной гораздо ранее. Подчеркнутое молчание высших должностных лиц объяснимо, очевидно, как и полемический задор лидеров парламентских партий, составлявших состав государственных дум последних лет, равно как и тех, кто отчаянно стремился туда пройти 18 сентября 2016 г.

Можно отметить желание одних сожалеть об утраченных возможностях развития российской демократии за минувшие двадцать пять лет; других – сокрушаться о разрушенном великом советском прошлом, исчезнувшем, как Атлантида. Мало, совсем мало уверенности в том, что мы сейчас или в предсказуемом будущем узнаем всю достоверную информацию о тех исторических днях. Один из главных персонажей и виновников августа 1991 г. М. С. Горбачев красноречиво промолчал в эти «юбилейные дни», а то, что он

произносил об этом ранее, только усиливает впечатление о том, что говорил и писал он далеко не все и так, как ему было выгодно, когда события уже известным способом разрешились. Множество ценнейших документов уничтожено, о чем можно открыто прочитать в доступных всем источниках. Следовательно, финальный вывод неутешителен: всей правды мы не узнаем никогда. Но знаем ли мы всю правду о других судьбоносных поворотах истории? Например, о событиях 11 сентября 2001 г. в США? Конечно же, вопрос риторический.

Эта статья, очевидно, для меня, профессионального исследователя, по жанру будет не вполне привычной. Она не претендует на широту и полноту охвата осмысления поставленной проблемы, основанной на привлечении массива верифицированных источников, характерных для научных монографий и статей. Наверное, это скорее, публицистическая статья, в которой хотелось бы поделиться непосредственными впечатлениями о тех событиях и проанализировать их четверть века спустя. Впечатления эти навеяны тем, что летом 1990 г. я был в командировке в Москве, а с начала сентября 1991 г. по февраль 1992 г. находился на учебе в Институте повышения квалификации при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Впечатления эти рельефно запомнились на всю жизнь, а корректировать их в чью-то пользу нет никакой необходимости, поскольку я не политик и не участник тех событий, и желания представить их в выгодном для себя свете абсолютно отсутствуют, в этом нет никакого личного интереса. Рискну предположить, что взгляд человека из сибирской провинции на московскую жизнь, атмосферу тех месяцев может быть интересен, поскольку, как известно, все великие события, поворотные для стран, вершатся в столицах, а вот воспринимаются они в столицах и в регионах далеко неоднозначно.

Конечно же, я пишу не просто «картинки с выставки» «карандашом» относительно молодого на тот момент провинциала, приехавшего в столицу, а как профессиональный историк, имевший тогда степень кандидата наук, а в настоящее время – докторскую степень и второе, юридическое образование. Все это, а также выработанная годами методика внешней и внутренней критики источников (а так ли это?), ставшая в чем-то чертой характера (некоторая отстраненность от эмоционально-чувственного некритического восприятия событий), позволяет ретроспективно применить для анализа следующую формулу: какие данные и каким способом получены? Что необходимо предпринять с целью их проверки/перепроверки? Каким образом их можно оценить? Какие выводы следуют из этого анализа?

Данные – это оставшиеся в памяти наиболее яркие впечатления о динамично менявшейся морально-психологической атмосфере тех месяцев в столице; сохранившиеся письма домой, в которых я довольно подробно описывал свои впечатления. Остались конспекты лекций и встреч, которые регулярно по средам проводились в большой первой аудитории Главного корпуса МГУ с известными и популярными на тот период учеными и политиками. Проверка – это сопоставление этих данных с тем, что о них уже написано. Что же касается оценки, то здесь, наверное, интересен прием: как описываемое воспринималось тогда и как оно воспринимается сейчас.

Летом 1990 г. я находился в Москве для сбора материалов по истории Ленского золотопромышленного района («Лензолото»), над которой работала группа молодых историков Иркутского университета. Это была столица, которой управлял уже не горком компартии, как при В. В. Гришине или раннем Б. Н. Ельцине, а новая демократически избранная власть во главе с Гавриилом Поповым, одним из лидеров межрегиональной группы, ярким демократом первой волны. Горком партии, конечно же, был, но на ситуацию он уже не влиял: 6-я статья Конституции СССР 1977 г. была отменена; реальная власть была у тех, кто именовал себя демократами. К этому времени съезд народных депутатов РСФСР избрал своим председателем Б. Н. Ельцина, который чуть позднее на последнем, «похоронном», XXVIII съезде КПСС так эффектно вышел из партии. Появление Российской коммунистической партии во главе с Иваном Полозковым никаких надежд на возвращение прежней роли партии не порождало, а он сам не только не обладал какой-либо харизмой, а скорее, по наблюдениям, вызывал настороженность и отторжение.

Необходимо отметить, что до этого я был в Москве в 1984 г., будучи в аспирантуре, работая в главной библиотеке страны и в архивах. Что же бросилось в глаза и осталось в памяти, что изменилось за шесть лет? Москва 84-го: чистый красивый город с обилием товаров по сравнению с Иркутском (тогда в областном центре Сибири мясо и масло продавали по карточкам). Если хотелось купить товары лучше качеством и разнообразнее, то каждый москвич и приезжий знал, как проехать в такие магазины, как «Белград», «София» и др. Относительно небольшие очереди, в которых не велось каких-либо политических разговоров. Дешевые билеты на подземный и наземный транспорт. Расположенные стенды с газетами «Правда» и «Известия», которые редко кто читал.

Московское лето 90-го запомнилось уже другими яркими моментами. Все пребывавшие в столице уже были четко разделены на две категории: имевшие московскую прописку и не имевшие ее. Первые по паспортам или специальным удостоверениям могли, причем постояв в нервной очереди, приобрести промышленные товары (одежду, обувь) и некоторые продовольственные товары; вторые же могли за всем этим только наблюдать. Общая ожесточенность, переходящая подчас в какую-то ненависть друг к другу. Нервные разговоры в очередях, в которых одни яростно во всем обвиняли коммунистов, доведших страну до нищеты (хотя фактически в Москве и Ленинграде они были уже не у власти); другие говорили, что демократы ничего не могут, кроме того, что красиво выступать на съездах народных депутатов; третьи недобро молчали.

Старый Арбат стал местом, на котором ближе к вечеру становилось гораздо веселее, чем в магазинах. Самодельные певцы и непризнанные поэты исполняли песни, частушки и декламировали стихи, в которых гротескно и карикатурно изображался советский человек (дурашливый «совок»), негодяй-коммунисты, загубившие цвет нации, незадачливый Горбачев, у которого ничего не получается. Все это сопровождалось поощрительными аплодисментами и возгласами, радостным смехом. Внимание собравшихся неизменно при-

влекала постоянно обновлявшаяся выставка картинок, написанных на ватманах. Запомнилось несколько картинок, скорее, едких шаржей на Полозкова; фактически утратившего свой пост второго человека в партии Егора Лигачева; лидера московских коммунистов Прокофьева; бывшего «лидера» Украины Ивашко, переехавшего в Москву и ставшего заместителем Горбачева по партии. Особенно в память врезалась одна картинка, на которой был карикатурно изображен толстенький человечек с пятном на лысине, со спущенными брюками и виновато-беспомощным выражением лица, в котором каждый безошибочно узнавал президента СССР Горбачева. Перед ним на кровати была изображена лежащая обнаженная красивая девушка с надписью «Россия». Картинка была озаглавлена более чем красноречиво: «Импотент». Смысл картинки был абсолютно ясен: что может сделать этот человек, совмещавший две высшие должности в СССР: президента страны и главы партии? Под гротескно-туповатым изображением И. Полозкова можно было прочитать: «Ум, честь и совесть нашей эпохи». Моральное падение авторитета власти было совершенно очевидным: она бессильна и представляет собой объект для насмешек и злопыхательств. Оставались ли у кого-то сомнения в том, что эти люди способны вывести страну из экономического кризиса, разгоравшихся межэтнических конфликтов и усиливавшегося хаоса в управлении?

Газеты на стендах, в отличие от 84-го года, не только читали, но будоражащую информацию в них активно и эмоционально обсуждали. Газету «Правда» сменила газета «Московские новости», около стенда которой недалеко от кинотеатра «Россия» по вечерам собирались толпы людей. Спорили обо всем: о так называемых белых пятнах истории, которые, по материалам этой газеты, «Огонька» Виталия Коротича, других многотиражных толстых и тонких журналов того времени, становились не белыми, а кроваво-репрессивными, о наших неурядицах в экономике и о том, как прекрасно функционирует западная экономика, перейти к которой нам мешают ретрограды-консерваторы. Запомнилась одна дискуссия, касалась она аналогии, в которой оказалась Россия в августе 1917 г., и тогдашней ситуации в стране (напомню, лета 1990 г.). О том, что страна идет к такому же развалу, соглашалось большинство, а вот как этого следовало тогда и сейчас избежать, разгорелся жаркий спор. Одни говорили, и их было явное большинство, что «заговор генералов» не дал развиваться нормальным рыночным отношениям, что срочно нужно делать сейчас, другие же положительно оценивали роль Лавра Корнилова, который попытался спасти страну с применением армии. Все же Корнилов большинством был осужден как несостоявшийся диктатор. Наверное, никому в голову не приходила мысль, что пройдет немногим более года и нечто подобное произойдет в Москве наяву, а не в каких-то предположениях (ГКЧП и его бесславный конец).

Продолжая тему, отмечу, что, по сравнению с 1984 г., бросалось в глаза обилие газетного и книжного рынка столицы. Но он стал совершенно иным: свободно можно было купить газеты, в которых содержалась информация о предсказаниях будущего никому не известных гадалок, причем самого мрачного свойства, о гомосексуальных отношениях и педофилии, что всячески

смаковалось. В подземных переходах метро открыто продавали контрафактные издания, переиздания прошлых лет, среди которых «Санин» Арцыбашева и «Яма» Куприна были одними из самых невинных. Гласность, так торжественно провозглашенная в качестве «визитной карточки» горбачевской перестройки, перерастала в снятие всяких морально-этических норм, любование ранее запретными, и не только по соображениям цензуры, темами.

Ощущение чего-то большого, непривычного, внезапно наступившего и перевернувшего обычную жизнь за каких-то два-три года, по моим наблюдениям, было повсеместным. Но ощущения близкого конца, развала государства, которому оставались считанные месяцы, все же не было. Чувствовалось, что больной (страна) серьезно болен, врач (М. С. Горбачев) со своей задачей явно не справляется, но была большая надежда на другого врача (Б. Н. Ельцина), авторитет которого был необыкновенно высок.

Следующий раз я прилетел в Москву 1 сентября 1991 г. и прожил здесь до конца января следующего года. ГКЧП уже бездарно провалился, и Москва, по крайней мере ее социально активная часть, демократы, у которых сразу появилось множество сторонников и почитателей, безудержно праздновали победу. Несколько предварительных замечаний для сравнения. Информацию о введении в стране чрезвычайного положения, неспособности Горбачева исполнять свои обязанности президента СССР и другие документы я услышал по радио утром 19 августа на даче под Иркутском. Не имея автомобиля, уехал в город только вечером на автобусе. Целый день радио передавало одну и ту же информацию, из которой следовало, что никаких серьезных действий, кроме, как, будто нарочно придуманного для ускорения собственного поражения, ввода армейских подразделений в Москву новая власть предложить ничего не могла. По старенькому телевизору передавали то же самое и показывали «Лебединое озеро». Это наведало странные мысли, но в тот день, повторяю, 19 августа 1991 г., мысли о том, что это начало «лебединой песни» СССР, не было.

Вечером, уже в городе, мы посмотрели ныне печально известную пресс-конференцию членов ГКЧП, увидели трясущиеся руки и. о. президента СССР Геннадия Янаева, услышали его заверения о том, что М. С. Горбачев его друг. Сомнения в том, что этой команде что-то удастся сделать реальное по предотвращению дальнейшего развала страны, который стал очевиден еще в 1990 г., лишь усилились. Кстати, в новейших публикациях можно прочитать, что у Янаева «была деликатная проблема: постоянно дрожали руки». Об этом свидетельствует Владислав Швед, бывший вторым секретарем ЦК КП Литвы в 1990–1991 гг. Встречаясь с Янаевым один на один, когда не было никаких оснований для волнения, он заметил эту особенность [8, с. 191]. Однако для миллионов телезрителей трясущиеся руки Янаева в августе 1991 г. были свидетельством явной неуверенности ГКЧП в успехе своего дела.

Но вспоминается и другое. Пройдясь по иркутским магазинам, сразу заметил, что на полках появились товары, причем как промышленные, так и продовольственные. А ведь до этого приходилось выстаивать большие очереди, стыдно сказать, за скобяными изделиями, посудой, трикотажем. И вдруг

они, по «мановению волшебной палочки», появились. Совершенно ясно, что их придерживали, создавая искусственный товарный голод, вызывая раздражение и недовольство населения. В первые дни ГКЧП появился определенный, хоть и небольшой испуг, что «новая власть», в отличие от «старой», к беспомощности которой все уже привыкли, все же начнет наводить элементарный порядок. Однако все надежды, как и появившиеся товары, быстро улетучились вместе с бесславным концом ГКЧП. Кстати, когда становилось ясно, что власть ГКЧП быстро съезживается, в Иркутске, перед Дворцом спорта, прошел митинг, на котором местные лидеры появившихся ранее партий, обобщенно названных «демократами», гневно, под одобрительные лозунги собравшихся, а это несколько сотен людей, осудили ГКЧП и их лидеров.

В Москве, конечно же, масштаб был несопоставим с тем, что происходило в Иркутске. Уже приветствовавшие нас, преподавателей социально-политических дисциплин со всей страны, представители ректората МГУ, Института повышения квалификации при МГУ открыто поздравляли нас с победой демократии, «крахом тоталитаризма» в стране. Причем это были люди зрелого возраста, вся их профессиональная деятельность, членство в КПСС, научные достижения в области общественных наук, ученые степени и звания были получены в СССР при этом самом тоталитаризме. Кто-то говорил с пафосом, кто-то, скорее, повторял эти нужные для них слова либо потому, что их необходимо было говорить обязательно, либо для того, чтобы тебя не заподозрили в скрытой симпатии к прежнему режиму.

Среди нас, преподавателей, были представители Азербайджана, Армении, Киргизии, Украины и других уже фактически и юридически прежних республик в составе Союза ССР. Много было преподавателей из Северного Кавказа: Дагестана, Адыгеи, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и других бывших автономных республик. Никого не было из прибалтийских республик; очень слабо была представлена Сибирь и Дальний Восток страны.

На следующий день, 2 сентября, после занятий я поехал к Белому дому, ставшему тогда символом победы демократии. То, что в «Новостях» именовали баррикадами, представляло собой соединение старых батарей, щитов, ненужной мебели, досок и прочего хлама. Все это стали потихоньку убирать, но на тот момент их основная часть сохранилась. Никаким препятствием для военной техники в случае ее применения, для действий бойцов спецназа, если бы они имели место, эти сооружения, конечно же, не являлись. Их можно было разнести в считанные минуты.

Вокруг «баррикад» стояли большие палатки, валялось много пустых бутылок от пива, на мотоциклах газовали молодые юноши и девушки, радостно взвизгивавшие от удовольствия. К нам, нескольким десяткам прохожих и любопытствующих, подошел молодой человек в импровизированном камуфляже, с повязкой на голове, примерно такой, какую носил певец Игорь Тальков, которого чуть позднее, в октябре того же года, убили. Молодой человек сам вызвался рассказать о тех событиях, участником которых, с его слов, он был. Он показал, откуда двигалась военная техника, где погибли трое несчастных, которых уже сделали «сакральными» жертвами ГКЧП. На вопрос, было ли

тогда страшно, он ответил, что нет, было, скорее, оживленно, все пели песни, подбадривая друг друга. Отвечая на вопрос, почему же они не уходят, ведь ГКЧП уже нет, а его члены сидят в тюрьме, последовал ответ, что здесь сейчас очень весело, по ночам они жгут остатки «баррикад». Вид и поведение этих юношей и девушек не оставляли сомнений в том, что по ночам в палатках они не только пели песни. Первыми плодами демократии, повлекшими человеческие жертвы, отныне можно было, не прячась, распорядиться и таким образом.

С позиций сегодняшнего дня ничуть не хочу бросить какую-либо тень на тех, кого именовали «защитники Белого дома», «защитниками демократии». Конечно же, большинство из них были движимы самыми искренними чувствами не допустить установления «диктаторского режима» в стране, отстоять молодую и хрупкую российскую демократию. Именно об этом в репродукторы постоянно вещали «идеологи баррикад», и именно в это искренне верили защитники демократии. Все они к тому времени уже разошлись; остались те, кому было просто весело, те, кто в полную силу уже пользовался плодами в «трудном противостоянии» завоеванной демократии.

Площадь Дзержинского была уже бывшей площадью, носившего имя этого деятеля революции. Его статуя была повержена, а на постаменте был водружен триколор, к которому только стали привыкать, и красовались намаленные надписи «Смерть коммунизму!», «Фашизм не пройдет!» и другие, им подобные. Такие надписи были на станциях метро, по крайней мере в центре города, на ограждениях строительных объектов. Война памятникам деятелям революции и Советского государства поощрялась новыми властями, в первую очередь командой мэра Г. Попова. Кстати, глядя на телевизионные сюжеты о «Ленинопаде», когда в майданной и послемайданной Украине стали крушить памятники того, благодаря кому в истории появилась Украинская ССР, предшественница современного украинского государства, я ощутил состояние «дежавю»: все это уже было в Москве 91-го. Только на Украине размах «войны памятникам», конечно же, был намного масштабнее.

Что же касается упоминавшихся ранее «староарбатских» тусовок низвергнутых членов ГКЧП, то спектр их изображения в газетах был чрезвычайно «широк»: от злобных неудавшихся «пиночетов» до личностей с крайне ограниченными умственными способностями. Однако все это было подведено под общий знаменатель: с коммунизмом, тоталитаризмом наконец-то покончено, фашизм не пройдет.

Запомнилось посещение осенью 91-го выставки в Манеже, целиком посвященной афганской теме. То, что ранее в средствах информации именовалось «интернациональной помощью» афганскому народу, «ограниченным контингентом советских войск», защищавшим свои государственные интересы в этой части Азии, изображалось примерно так же, как «грязная война» США во Вьетнаме в 60-е – начале 70-х гг.

Экспонатами выставки были образцы советской военной техники того времени, обмундирования солдат и офицеров, различные фотографии. Но надписи, например к портретам советских руководителей (Л. И. Брежнев, Д. Ф. Устинов, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко), прямо называли их винов-

никами войны; большими цифрами обозначалось количество погибших советских военнослужащих в этой азиатской стране. Ничего не говорилось о подвигах советских солдат, защищавшихся от фанатичных религиозных радикалов. Ни слова не было о советской экономической помощи, построенных школах и больницах, развитии инфраструктуры, о действиях моджахедов, поощряемых из-за рубежа, против Советской армии, о жестоких расправах талибов над советскими солдатами, о политике США против своего геополитического соперника в этой стране. Последнее было совершенно понятно в тот «романтический период» «антифашистской», антикоммунистической революции. США подавляющим населением, не говоря уже о средствах массовой информации, воспринимались исключительно как светоч и образец демократии. Впечатление после выставки было однозначным: старые «маразматики», стоявшие во главе СССР, втянули страну в бессмысленную позорную авантюру. Советская армия была изображена некой машиной, которую бросили в бездну ненужной войны. На выставке было много посетителей. Разглядывая экспонаты, поймал себя на мысли: а как воспринимают эту выставку советские воины-афганцы, какие они испытывают чувства? Устроителями выставки все было сделано для того, чтобы вызвать у них чувство стыда за участие в этих событиях и ненависти к тем, кто их на это отправил.

В один из теплых сентябрьских дней, проходя по центру Москвы, на ул. Горького увидел какое-то разномастное шествие: юноши и девушки шли полураздетые, разрисованные, с ярко накрашенными губами и глазами, привлекая внимание прохожих своими кривляниями. Вид этой первой «постсоветской» молодежи был явно диковинный. На тротуаре стояли милиционеры, с интересом наблюдавшие за процессией, никого не трогая. Конечно, можно было и не задавать вопрос о том, кто такие эти молодые люди. И все же я решил узнать реакцию милиции. На вопрос, скорее для контакта, чем для ответа: «Что эта за процессия?», милиционер, как-то выразительно улыбаясь, ответил: «Сами знаете». И потом добавил: «Демократия». Вспомнились другие молодые люди, погибшие в августовские дни. Они отдали свои жизни за такую демократию?

Весьма показательными были и телевизионные картинки. Поскольку мы жили в общежитии на Ленинских (тогда еще), ныне Воробьевых горах, то имели возможность общаться друг с другом, обсуждая различные вопросы. В комнатах было только радио, поэтому вечером почти все, примерно человек 20–30, приходили в относительно большую комнату, в которой находился телевизор. Смотрели, разумеется, «Останкино», российские «Вести» с лихо мчавшимися лошадками, московский канал. Большой популярностью пользовались «600 секунд»; когда вставал вопрос, какой канал включить, все высказывались за канал, в котором красиво смотрелся «телегерой тогдашнего времени» Александр Невзоров.

Многие привычные телеведущие «Останкино» сменились; на экранах появились молодые лица новой России. Несколько телепередач провел один американский журналист. Его появление и высказывания, интервью с некоторыми российскими деятелями, в которых он прямо говорил о том, что страна

(еще формально СССР) в полной разрухе и нет ни сил, ни возможностей что-то изменить, снисходительно-менторский тон заставил многих присутствующих просто ахнуть, а других язвительно заметить: «А что Вы хотели?». Большое внимание привлекло осеннее совместное интервью Михаила Горбачева и Бориса Ельцина. Было видно, что Горбачев хотя бы на экране пытался представить себя еще главой государства, но поведение Ельцина, который мог грубовато, решительным голосом прерывать Горбачева, противоречить ему, получая взамен лишь подобие улыбки некогда популярного на западе «Горби», отчетливо говорило о том, кто теперь настоящий хозяин в доме. Запомнился другой эпизод – телеинтервью Горбачева, который в стремительно ухудшающейся ситуации, требовавшей конкретных решительных действий, традиционно пустился в свои пространные рассуждения обо всем и ни о чем. Один из зрителей, хорошо помню, представитель Адыгеи, при появлении на экране Горбачева демонстративно встал и быстро вышел из комнаты, бросив: «Что, еще не поняли, что ли?». Другие остались, страдальчески глядя на президента СССР как на неизлечимо больного человека, некоторые просто комментировали: «Болтун и трепач». Кое-кто советовал в присутствии всех Горбачеву немедленно уйти в отставку, а некоторые – даже застрелиться. Авторитет этого политического деятеля, и без того низкий, чуть поднялся после «Форосского заточения», а потом кувырком полетел вниз.

Авторитет Ельцина, напротив, первоначально был высок. Волна романтического подъема августа 91-го плавно сходила вниз, но уровень ожиданий у населения, в том числе у нас, преподавателей высшей школы, был довольно велик. Однако примерно с середины октября «романтический период» «великой антикоммунистической революции» стал уступать место суровым реалиям. Продуктовые магазины стремительно пустели. Нам, прибывшим в ИПК МГУ на 5 месяцев, оформили московскую прописку. Это означало, что некоторые продукты мы могли приобрести за талоны, выстояв при этом очередь. Сколько на это уходило времени? В середине октября мы, несколько человек с нашего потока, выстояли очередь с 7.30 до 4 часов дня, чтобы купить 3 кг сахара в магазине, расположенном в комплексе зданий МГУ на Ленинских горах. А в последующие дни, несколько раз в неделю, мы подходили к открытию магазина, к 8 часам утра, попадая уже в небольшую очередь, чтобы купить элементарное: батоны, кефир, немного сыра, кусочки фасованной колбасы. К 10 часам магазин пустел: покупать там было нечего, за исключением металлических банок с морской капустой. Один из наших преподавателей, профессор Сталь Ершов, на лекции рассказал нам такой анекдот на злобу дня. «Для борьбы с очередями в Москву пригласили японцев, которые сказали, что они очень быстро решат проблему с очередями. Двоих японцев поставили у входа в магазин, а двух других – у выхода. Первые встречали потенциальных покупателей так: “В магазине ничего нет”, а вторые – провожали словами: “Вам же говорили, что в магазине ничего нет”».

Это становилось горькой правдой. Из магазинов выметалось все; проблемы возникали даже с хлебом. Накануне 7 ноября 91-го, некогда грандиозного государственного праздника с парадом, демонстрациями и традицион-

ным праздничным корпоративным или семейным обедом, возникла проблема с хлебом. Купить его можно было только ранним утром. Возвратившись с занятий, а этого примерно к четырем часам дня, мы обнаружили, что хлеба в продаже нет. Помню, поехали в центр города, чтобы пройтись по магазинам главной улицы столицы (тогда Горького, ныне – Тверская). В одной из булочных успели купить остатки хлебных изделий. Почему так происходило? По наблюдениям, царил какой-то ажиотаж, люди скупали все и помногу, даже какие-то копеечные настойки (ромашка, эвкалипт) в аптеках. В немалой степени ажиотажу объективно способствовал московский канал телевидения, сообщавший примерно с середины октября о том, что продовольственных запасов в столице осталось на месяц, на 20 дней, на две недели. Официальные средства информации обвиняли в этом коммунистический режим, который довел страну «до ручки». Тот факт, что в Москве и Ленинграде, переименованном после августа 91-го в Санкт-Петербург, коммунисты не находились у власти с 1990 г., а по всей стране не только фактически, но и юридически – после провала ГКЧП, ничуть не смущал информационных носителей новой власти. Возможно, скорее всего, вполне вероятно, продукты припрятывали, ожидая ощутимого повышения на них цен. Разговоры об «отпуске цен» стали повсеместными, вызывая, с одной стороны, нездоровый ажиотажный спрос, а, с другой – припрятывание товаров.

Гавриил Попов, московский градоначальник, ставил себе в заслугу, что городом управляют не коммунисты. Он охотно давал интервью, был говорлив, так же, как и на съездах народных депутатов СССР, где блестяще выступал.

Но что представляла собой Москва «послеавгустовская»? Большие очереди, дефицит самых необходимых товаров, занавешенные какими-то грязно-зеленого цвета огромными сетями здания. Эйфория августа 91-го стала стремительно улетучиваться. В декабре 91-го – январе 92-го перед станциями метро, в начале улицы Горького, там, где располагалась гостиница «Интурист», до Моссовета, и около «Детского мира» на Лубянке (там, где когда-то стоял «железный Феликс»), стояли толпы женщин среднего и пожилого возраста, продающие старую ношеную одежду, обувь, предметы домашней утвари, одеколон, книги. И это в центре столицы некогда второй страны в мире! Центр Москвы стал настоящей «барахолкой», в которой слились те, кто продавал для того, чтобы свести концы с концами, и удачливые спекулянты.

Помногу раз бывал в Москве до и после 91-го, но такого отталкивающего зрелища, как «Москва Гавриилопоповская», видеть не приходилось. И желание видеть подобное не возникает. Г. Попов являл собой своеобразное «демократическое» отражение М. Горбачева: умение округло и красиво поговорить, при этом оставаясь слабеньким руководителем.

С падением авторитета власти уверенно росли цены. По телевидению показывали далеко не все. Там в основном царило ликование по поводу победы над тоталитаризмом, затем шли комментарии относительно создания фактически независимых государств при еще юридически существовавшем Союзе ССР, некоторые комментаторы положительно оценивали появление националистических сил в бывших союзных республиках, уверяя, что это гораздо

лучше бывших коммунистов и т. д. Не проживая в Москве, трудно было сопоставить, что еще в «романтическом» сентябре на ул. Горького можно было купить кефир, молоко и колбасу, простояв в очереди 20–30 минут. А, например, в декабре очереди на той же улице выстраивались до 200–300 человек, такие, вставать в которые было просто безнадежно. Перед Новым годом из продажи исчезли колбаса, сосиски и рыба. Очередь надо было занимать в 8–8.15 утра, но на руки давали одну коробку кефира и одну коробку молока. Перебои с хлебом уменьшились, но купить его, не рискуя остаться только с консервами из морской капусты, можно было утром.

«Свободные» предприниматели, а на самом деле зачастую обычные перекупщики, проникали даже в «храм науки» – Московский университет. Один из них «засел» в памяти: на входе в Главное здание МГУ со стороны общежитий мужчина средних лет торговал консервами с абрикосами в желто-оранжевой упаковке, популярными в советские годы. Причем нам, идущим на занятия ранним утром, он кричал: «Парни, покупайте абрикосы сейчас, вечером они будут дороже!». Первое время мы посмеивались, но вскоре обнаружилось, что этот «предприниматель» прав: вечерние цены действительно стали больше. Росли цены и в столовых МГУ. Причем и они стали работать хуже. Расположенные в Главном здании МГУ столовые открывались в 11.30, но люди уже с 8 часов утра занимали очередь. В главной библиотеке страны, тогда еще Ленинке, в столовой можно было купить картофельные чипсы и стаканчики газировки. Большинство из тех, кто тогда занимался, кстати говоря, в плохо отапливаемой библиотеке, приносили какие-то продовольственные «пайки» с собой, спускаясь в столовую лишь для того, чтобы не съесть все это за письменными столами.

Преподаватели из относительно недалеких регионов (Тамбов, Иваново), имевшие возможность на несколько выходных выезжать домой, рассказывали нам, что в магазинах там «шаром покати». Новые власти говорили о том, что это временные явления, что после того, как «отпустят» цены, станет намного лучше, но в это уже мало кто верил. Напротив, все смелее стали разговоры о том, что «эти ребята устроили нам “хорошую” жизнь».

Конечно же, большинство нашей аудитории, преподавателей высшей школы, активно следили за тем, что происходит в стране, особенно в тех краях, откуда они приехали. Поскольку сотовых телефонов еще не было, все ходило на переговорный пункт в МГУ почти каждый день, разговаривали с родственниками, узнавали, как обстоят дела дома. Обмен мнениями о полученной информации свидетельствовал, что дела в регионах шли хуже и хуже, прежде всего в экономическом отношении. Это также рассеивало надежды на быстрые перемены к лучшему.

По радио и телевидению сообщали о глобальных кадровых перестановках, было ясно, что прежние союзные органы представляют собой некие безвластные переходные структуры. Особенно обратило на себя внимание назначение на пост главы столичной милиции политического назначенца из круга победителей, никогда не работавшего в структурах МВД, теплофизика по образованию (в чередке той кадровой чехарды фамилию его сейчас не помню).

Из его интервью по радио следовало, что работу органов он представляет крайне схематично, но все силы приложит для подавления всякой оппозиции.

По моим наблюдениям, особенно болезненно воспринимались события, происходившие на Кавказе (в республиках России, а также в трех бывших закавказских республиках). Однажды был свидетелем крайне неприятной сцены, когда в одной из столовых МГУ женщина-азербайджанка и мужчина-армянин, громко обсуждая новости из их регионов, особенно из Карабаха, при всей немалой очереди разругались, не стесняясь, переходя на взаимные оскорбления. Одна женщина средних лет, русская, кандидат наук из Ошского педагогического института, все свободное время от учебы обходила московские вузы, техникумы и школы, чтобы найти работу и уехать из Киргизии, где, по ее словам, русским после погромов было просто страшно оставаться.

Приближалось 7 ноября 1991 г. То, что этот когда-то главный праздник страны отменят, ни у кого не оставляло никаких сомнений. Но вопрос был в том, разрешат ли власти какие-либо манифестации в этот день или категорически их запретят. Утром 7 ноября мы, несколько человек с учебного курса, сели в метро и поехали на Красную площадь. Там состоялось несколько небольших митингов. Прокоммунистически настроенные присутствовавшие собрались около Мавзолея В. И. Ленина, закрытого для посещения. Выступавшие сменяли друг друга; обращало на себя внимание, что это были не только москвичи, но и посланцы других городов страны. Выступали довольно эмоционально, в основном уверяя слушателей в том, что эта власть скоро слетит. Количество слушателей трудно было сосчитать, люди приходили, слушали, уходили, но массовой манифестации не наблюдалось. Внимание привлек один мужчина, который читал небольшие частушки на потребу дня, а потом стал декламировать стихи А. С. Пушкина, точнее, его эпиграмму на императора Александра I: «Властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой, над нами властвовал тогда». А после этого он восклицал: «Как прав был Александр Сергеевич! Он как будто предвидел наше время». Присутствовавшие, окружавшие мужчину плотным кольцом, конечно же, угадавшие в этом образе Горбачева, поощрительно хлопали в ладоши.

Недалеко от этой группы людей образовался другой, гораздо больший по количеству присутствующих митинг. В центре внимания был Владимир Жириновский и его «соколы». Жириновский, летом 1991 г. принимавший участие в выборах на пост Президента РСФСР, в целом весьма удачных для новичка в политике, привлекал повышенное внимание присутствующих. Сравнительно молодой, крепкого сложения, привлекательной внешности, одетый в добротное теплое пальто, Жириновский готовился к выступлению. На столах, охраняемых «соколами», размещалась агитационная литература либерально-демократической партии СССР, как тогда называлась. Полковник милиции в сопровождении нескольких подчиненных решительно подошел к столам и стал громко требовать убрать буклеты и листовки. Жириновский тотчас же набросился на полковника, трясая перед ним какими-то бумагами, и громко, на публику, энергично утверждая, что митинг законный, у него имеется разрешение мэрии и полковник должен заниматься своими прямыми обязанностями.

ми, а не «соваться» в чужие, партийные дела. Симпатии собравшихся были явно на стороне Жириновского. Кто-то даже ехидным голоском противно произнес: «Полковник не станет генералом». Полковник, которому никто не сочувствовал, быстро покинул это место. Владимир Вольфович под аплодисменты окружения, которое все увеличивалось, начал свою зажигательную речь. Показывая на Кремль, который ассоциировался уже не с Горбачевым, а с новой, ельцинской властью, а затем на собравшихся вокруг коммунистических ораторов людей, Жириновский громко произнес: «Мы не там, и не там. Мы здесь, у нас отдельное место». Эта фраза была встречена аплодисментами; аплодисменты вызвал и его ответ на вопрос одной иностранной журналистки. Ответ прозвучал по-английски, из которого можно было понять отдельные слова: «Россия, свобода, демократия!».

Часам к 12 дня отрядов милиции стало намного больше, и вход на Красную площадь был прегражден. Гораздо больше стало и желающих посмотреть на происходящее: возникла ситуация, когда давление стоящих сзади нарастало, а передним путь преграждала шеренга милиционеров. Волею случая мы оказались среди первых; возникло настоящее столпотворение. Давление возросло настолько, что мелькнула мысль: «Наверное, что-то подобное происходило на Ходынке». Вмешательство милиции разрядило ситуацию. Эта картинка вспоминается потому, что дает, наверное, еще один слепок настроений тех дней, дней заката Советской некогда державы.

Содержание занятий в МГУ также отражало стремительно менявшиеся настроения тех месяцев. Сейчас я пересматриваю конспекты тех лекций. Многие первые лекции начинались и заканчивались здравницами в честь победившей демократии. Однако большинство лекций были глубоко профессиональны; современные события затрагивались косвенно. К таковым можно отнести лекции профессоров Станислава Тютюкина, впоследствии главного редактора журнала «Отечественная история» (реформы и революции в истории России), Виктора Малькова (новейшая история США), Бориса Ливанова (история политических партий России в начале XX в.) и др. Прекрасно читал лекции молодой Геннадий Бордюгов.

Но нельзя не отметить и другое: явную новую идеологизированность некоторых лекций. Особенно запомнилась «спаренная» четырехчасовая лекция профессора Игоря Бестужева-Лады. Она была посвящена проблемам сталинизма, теме, по которой не выступал тогда только либо ленивый, либо настоящий специалист. Никогда не занимаясь этой темой, Бестужев-Лада сравнил сталинскую систему власти с воровской шайкой, во главе которой стоит «пахан», а далее по нисходящей шли «воры» поменьше, вплоть до «шестерок». Манера выступления была какой-то «непринужденно развязной». Впрочем, об этом можно было прочитать во многих публицистических статьях журналов демократической направленности периода яковлевской «гласности». Несколько преподавателей, выходя из аудитории, отзывались о лекции так: «Бесстыжая лажа».

Некоторых лекторов за глаза называли «перевертышами». Так, на оживленно проходившей презентации двухтомника «Наше Отечество», которое отныне было рекомендовано как учебное пособие для вузов и лицеев по исто-

рии, издание представлял молодой профессор Сергей Кулешов. Он заявил, что Советский Союз был изначально обречен, поскольку объединял различные, просто несовместимые народы. Но присутствовавшие напомнили, что раньше он писал совершенно противоположное, доказывая объективную необходимость создания многонационального государства. Один молодой преподаватель задал вопрос, почему в книге не представлены народные движения (Разина, Пугачева и др.), на что получил от авторов ответ, что это не наши герои. В разгоревшейся дискуссии этот же преподаватель прямо сказал, что издание представляет собой либеральную версию, а не настоящую историю нашей страны. Очень эмоционально на это отреагировал профессор Виталий Лельчук, страстно доказывавший, что социализм окончательно проиграл, а будущее – за либеральной экономикой. Выходившие после презентации из зала напоминали друг другу о том, что ранее В. Лельчук убедительно писал об успехах советской индустриализации, ее превосходстве над западной. Так почему же она проиграла?

Были и интересные на тот момент высказывания. Громким, хорошо поставленным голосом читал лекции профессор-философ Анатолий Бутенко. Сравнив марксизм-ленинизм с дарвинизмом, он сказал, что первый никакая не наука, а просто идеология. Все ссылки на классиков как методологию научного знания необходимо из будущих работ убрать, труды В. И. Ленина скоро окажутся под запретом, а наше общество так далеко зашло в тоталитаризм, что надо не идти вперед, а долго пятиться назад, чтобы выйти из этого состояния.

Резко не принимал произошедшие политические изменения профессор МГУ Владимир Тетюшев. Его лекции и семинарские занятия были направлены против проводимых изменений; пришедших к власти в стране он прямо называл «темными силами», против которых надо объединиться. Надо отметить, что его прямолинейные высказывания разделяли далеко не все. Надежда на перемены к лучшему оставалась.

Можно отметить моменты, на которые тогда, возможно, не обращали серьезного внимания, но значимость которых стала очевидной со временем. Речь идет о некоторых высказываниях в лекциях члена-корреспондента АН СССР, впоследствии академика РАН Юрия Александровича Полякова. Он с сожалением говорил о проходившей тогда «дегероизации» подвигов Зои Космодемьянской, Александра Матросова, молодоговардейцев, панфиловцев и других, которые некоторыми публицистами тех лет были представлены как жертвы идеологической обработки сталинского тоталитаризма. Ю. А. Поляков высказал мысль, что это такие уничижительные оценки очень опасны с точки зрения нравственного ощущения общества. Страна без героев – страна без будущего.

На круглых столах, проводимых руководством ИПК МГУ, много говорилось о том, что будущее гуманитарного образования, в том числе исторического, неплохое. Однако будущее не за стандартизированными курсами, а за элективными, по типу западных, когда каждый преподаватель будет предлагать студентам свои курсы. Все это воспринималось в целом позитивно. Практически все из нас в большом количестве скупали всю литературу, многие

уже составляли программы будущих курсов. Говорили также о том, то необходимо иначе называть преподавателей. Например, не историк, а историковед, не философ, а философвед. По аналогии: литератор – тот, кто пишет, писатель, а литературовед – тот, кто преподает литературу. Историк, философ – это тот, кто является ученым, а историковед, философвед – тот, кто преподает историю или философию в средней или высшей школе. Сейчас это может показаться слегка забавным, а тогда серьезно обсуждалось.

В заключение – восприятие декабрьских дней 91-го, последнего месяца СССР. Необходимо отметить, что многие из преподавателей, слушателей потока досрочно покинули ИПК. Прежде всего это представители закавказских республик и Украины, некоторых бывших автономных образований РСФСР. Они объясняли это, в том числе, и крайне неопределенной политической обстановкой в этих регионах. Известие о Беловежском соглашении было воспринято по-разному. Помню, один из нас, занимавшихся в архиве (бывший ЦГАОР), взяв дела, полистав их, ушел на первый этаж и практически все время работы читального зала проходил там в каком-то возбуждении. Когда мы возвращались с ним из архива в метро, он подавленно повторял: «Не могу прийти в себя от этой новости».

Остальные так явно своих чувств не выражали. Разумеется, все понимали, что произошло очень значимое событие в истории страны. Но большинство, на мой взгляд, расценили это в рамках свершившегося факта, ставшего явным уже осенью 91-го. Фактически Союза ССР уже не было. Наш многонациональный учебный поток, бывший в сентябре 91-го, к декабрю сократился до преподавателей из сугубо российских регионов. Это небольшой слепок отражал реальную картину происходивших событий. Многие восприняли это как давно назревшую и даже перезревшую смену всем опостылевшего Горбачева, который уже ничего не мог и ни на что не влиял, на набиравшего силу Ельцина. Надежды на перемены сочетались с реальными опасениями последствий «отпуска цен». В связи с этим предновогодний ажиотаж в магазинах перешел в самую настоящую панику. Скупали практически все, что еще оставалось. По-настоящему осознали реальность произошедшего, по моим наблюдениям, даже не тогда, когда Горбачев заявил о своей отставке, этого ждали все как чего-то неизбежного, а тогда, когда по телевизору показали спуск флага СССР. Началась другая история нашей страны.

А теперь несколько размышлений. Можно ли было сохранить СССР? В том виде, к каком реально оказалась страна после августа 91-го, разваливающаяся на глазах при явной беспомощности союзного, уже чисто номинального руководства, имевшего крайне низкую степень доверия, приблизившуюся практически к минимальным отметкам к декабрю 91-го? При Горбачеве, которого уже никто не воспринимал как руководителя государства, а не ругал только либо ленивый либо прекраснодушный романтик? При Ельцине, с его неукротимой энергией, и надеждой большинства людей на лучшее будущее, связываемой с этим лидером? При вере в то, что бывшие союзные республики, избавившись от даже номинальной опеки неавторитетного центра, сумеют договориться между собой и ничего не изменится в их отношениях? Что люди

могут и в дальнейшем также легко ездить друг к другу, как это было до сих пор? Нет, тот Союз, а это слово уже надо взять в кавычки, поскольку фактически его уже не было, не имел никаких перспектив. Это был не Советский Союз 30-х – первой половины 80-х гг., мощная, влиятельная держава, вторая по значению в мировом сообществе. Если уместно такое сравнение, то из жизни ушел не человек в расцвете своих сил, а дряхлый, больной человек, которого внезапно скрутила тяжелейшая болезнь, не дававшая ему при таком лечении никаких шансов на выздоровление. Окружающие тоже не очень-то стремились реанимировать больного. Тем более что для многих из них он представлял опасность, будучи здоровым. Распад СССР был желателен лично для Горбачева, который не только не боролся по-настоящему за сохранение государства, а имитировал какие-то безрезультатные действия. Наверное, не лишено смысла замечание Владислава Шведа о том, что развал Союза позволил Горбачеву избежать ответственности за содеянное. Нет государства – нет и ответа! [9, с. 216]. За каких-то три-четыре года некогда внешне великая держава была низведена до уровня третьеразрядной страны. Страны, проигравшей холодную войну и разломавшей руками неумелого руководства свой социальный проект и реальность, далеко не идеальную, но способную к изменениям, если бы они были сделаны профессиональными руководителями.

Конечно же, с позиций произошедшего со страной за последнюю четверть века можно согласиться с академиком РАН, лауреатом Нобелевской премии Жоресом Алферовым, который отмечает: «Развал СССР – это ужасная вещь, это подрыв всей экономической системы страны, независимо от ее политической и социальной структуры. Мы уничтожили высокотехнологичные отрасли промышленности, страна развивается за счет продажи природных ресурсов, прежде всего нефти и газа. В каком-то отношении Россия стала страной рантье, когда миллионы людей живут за счет того, что мы продаем наши природные ресурсы, не внося никакого реального вклада в развитие, в том числе и этих отраслей промышленности» [2, с. 145]. Но в декабре 91-го Союза уже фактически не было. Его начали ломать и сломали гораздо раньше. Причем, даже те, кто явно не симпатизировал СССР, не предполагали, что его развал будет столь быстрым. Игорь Ефимов, писатель, философ и публицист, в своей книге «Без буржуев», изданной в ФРГ в 1979 г. в издательстве «Посев», описывая кризисное состояние СССР, как он сам говорил, представить не мог, что через 12 лет Советское государство развалится [4, с. 183]. Советский Союз «ушел в Атлантиду». Воспоминания о нем, как заметил директор Института проблем глобализации, д-р экон. наук Михаил Делягин, становятся «все более туманными и мифологизированными» [3, с. 149].

Четверть века спустя мы прощаемся с надеждами и иллюзиями. Без иллюзий, наверное, не обходилось ни одно общество ни в одной цивилизации. Надо ли это осуждать и бичевать? Необходимо, оглядываясь в прошлое, учиться у него. Но очень опасно «погрязнуть» в иллюзиях, не замечая, насколько радикально изменилось мировое сообщество за эти прошедшие более четверти века.

Мы, возможно, до конца не осознали, что крушение СССР, рождение новой России – это не просто политический «транзит». В 1991 г. произошла самая настоящая новейшая революция, несмотря на то что революция у нас ассоциируется с вооруженным переворотом, насильственными действиями, влекущими кровь, жертвы и гражданскую войну [7, с. 188].

Мы, наверное, осознали, расстались с иллюзией, что разрушили далеко не самое плохое в истории человечества общество, каким его представляли нам идеологи перестройки и публицисты 1990-х гг.

Мы привыкли верить своим вождям, полагая, что ими движут интересы обеспечения безопасности государства и его процветания. Вместо этого мы увидели, что, вопреки результатам мартовского референдума 1991 г. о сохранении обновленного государства, произошло расчленение СССР, а действия первых лиц государства были необъяснимы с точки зрения отстаивания национальных интересов страны. Анализ их действий говорит о том, что в тот период российские власти инициировали развал Союза под значительным влиянием Запада [6, с. 186], а потом об этом сразу же и отчитались. Не об этом ли знаменитый телефонный звонок Бориса Ельцина Джорджу Бушу-старшему, первым узнавшему о заключении Беловежского соглашения, поставившему черту под Союзом ССР?

Мы полагали, что итоги Второй мировой войны не будут пересмотрены; просто вместо «тоталитарного» СССР его место займет демократическая Россия. Вместо этого в 1990-е гг. нам определили место третьеразрядной сырьевой страны, которая должна знать свое место и не вмешиваться в мировую политику. Своих национально-государственных интересов у России быть не может, она должна обслуживать интересы лидеров «цивилизованного мира» (вспомните политику, олицетворяемую министром иностранных дел РФ Андреем Козыревым). Вся конфигурация Ялтинско-Потсдамской системы порушена; идет открытый пересмотр итогов Второй мировой войны. В ФРГ после 70 лет разгрома национал-социализма, совершенного легально, была издана и молниеносно разошлась книга Адольфа Гитлера «Майн кампф», а федеральный министр образования Иоанна Ванка считает возможным включить двухтомник фюрера в школьные программы [1, с. 132].

Мы полагали, что в окончившейся с распадом СССР холодной войне нет победителей и побежденных. Так говорил Горбачев. Вместо этой иллюзии равноправных уважительных отношений США (первый эшелон), европейские страны (Великобритания, Германия, Франция и другие (второй эшелон), их верные союзники – страны Прибалтики, Украина (третий эшелон) – все делают для того, чтобы добиться подчинения российской внешней политики американским и натовским интересам.

Мы полагали, что виной всему коммунизм, а разрушив его, мы войдем в «цивилизованный мир», в котором нас примут с распростертыми объятиями. Мы считали, что всему виной коммунистическая идеология, и, придя к деидеологизации, мы создадим «нормальное» общество. На самом деле вместо этой действительно неэффективной и не соответствовавшей новым реалиям

идеологии пришла та, которую принято называть либеральной, но в той оболочке, которая удачно обслуживала интересы победившей державы.

Мы расстались с иллюзией, что российская демократия, основанная на либеральных ценностях, создаст у нас совершенную модель общественного устройства, намного превосходящую своих предшественников. Созданная на развалинах СССР российская демократия явила собой, как справедливо отметил современный исследователь, «дискурс демократии как антикоммунизма, наиболее полно представленный транзитологией, который потерпел моральное поражение, перейдя с доминирующих позиций на маргинальные позиции в рамках российской политической науки» [5, с. 17]. Дополним: не только в рамках политической науки, но и политической действительности. Прошедшие 18 сентября 2016 г. выборы в Государственную Думу это убедительно подтвердили.

Мы расстались с иллюзией, что западная, в первую очередь американская, (США) модель общества – это магистральный путь развития цивилизации, причем безальтернативный, счастливый «конец истории». То западное общество, в котором все, буквально все, лучше, в чем был убежден почти каждый студент и интеллигент, на поверку оказалось обществом, съеживающимся под напором внешней, неевропейской миграции, отнюдь не дружелюбной к новому месту обитания. Не из дружественных же побуждений и чувства благодарности там взрывают людей в метро, в местах массового скопления, убивают их в редакциях печатных изданий, давят их большегрузными автомобилями, насилюют европейских женщин и детей? Обществом, где принципы христианской морали попираются, а право на однополые браки, усыновление ими детей (родитель № 1, родитель № 2), права сексуальных меньшинств в явном приоритете? О такой демократии мы мечтали в 1991 г.?

Мы избавились от иллюзий, что, отказавшись от своей самости, традиций и истории, войдем в «цивилизованное сообщество», а нас все полюбят. На закате СССР мы все сделали для того, чтобы развалить «восточный блок», дать Западной Германии поглотить Восточную, рассчитывая, что нам будут благодарны отныне и навсегда. Вместо этого мы получили финансово-экономическую войну против России, в авангарде которой идет «образец демократии» США и «благодарная» Германия, а вооруженные силы НАТО стоят там, где раньше размещались наши.

Мы расстались с иллюзиями, что во главе государств, которые мы брали за образец, будут стоять ответственные самостоятельные руководители. Вместо этого мы увидели настоящее измельчание западной правящей элиты, этиких послушных клерков, которые и рядом не стояли с де Голлем, Аденауэром и Тэтчер.

Мы расстались с иллюзиями, что с уходом коммунизма, советского тоталитаризма восторжествуют принципы международного права. Вместо этого мы увидели бомбардировки Югославии, насильственный развал Ирака, Ливии, теперь на очереди Сирия. Мы увидели, что под флагом демократии можно свергать, вешать, убивать средневековыми способами неугодных лидеров.

Что еще должны мы увидеть, чтобы расстаться с иллюзиями? Повторить 91-й год? Развалиться на суверенные демократические «процветающие» республики под известно чьим протекторатом? Прекраснодушничать и гневно писать о том, что у нас не все так, как в учебниках, написанных западными авторами?

Вместо этого нам, очевидно, необходимо заняться решением острых внутренних проблем. Таких, к примеру, как: колоссальные отличия в доходах различных категорий населения; кратко отличающиеся уровнем экономического развития и социальных показателей регионы Федерации. Коррупция должностных лиц и преступность отдельных категорий лиц, уверенных в своей безнаказанности; перекосы в отраслях экономики; достижение новейшего технологического уклада не только в оборонной промышленности. Для истории четверть века – миг. Для человеческой жизни – срок немалый, когда опыт прошлого стирается в памяти и не воспроизводится. Нынешние выпускники вузов уже не застали поздний СССР и его развал. У них нет «социальной прививки», да и прошлое своей страны они знают, не дадим себя обмануть, не очень хорошо. Но они станут у руля государства через 10–15 лет. Станет ли мир более стабильным и предсказуемым? Ответ очевиден. А не будем ли мы создавать новые иллюзии? Вот на этот вопрос ответить будет гораздо сложнее. Так же, как и на тот: а можно ли прожить без иллюзий?

Список литературы

1. *Алексеев В.* Жестокий проект / В. Алексеев // Москва. – 2016. – № 6. – С. 127–133.
2. *Алферов Ж.* О прошлом для будущего Жорес Алферов / Ж. Алферов // Наш современник. – 2016. – № 4. – С. 142–147.
3. *Десягин М.* Трагедия интеграции / М. Десягин // Наш современник. – 2016. – № 1. – С. 149–156.
4. *Ефимов И.* Крутые ступени цивилизации / И. Ефимов // Нева. – 2016. – № 2. – С. 175–183.
5. *Зуляр Ю. А.* Идеологические и политические интерпретации неолиберальной парадигмы / Ю. А. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 12. – С. 14–25.
6. *Лактионова Н.* Евросоюз и Россия. Геополитический вектор / Н. Лактионова // Москва. – 2016. – № 7. – С. 182–188.
7. *Соловьев В.* Канун 2017: в условиях постиндустриального феодализма / В. Соловьев // Знамя. – 2016. – № 4. – С. 186–196.
8. *Швед В.* Кто вы, гг. Gorbachev? / В. Швед // Наш современник. – 2016. – № 4. – С. 183–206.
9. *Швед В.* Кто вы, гг. Gorbachev? / В. Швед // Наш современник. 2016. – № 5. – С. 205–216.

The Last Months of the USSR: Muscovite's Memories and Giving up on Illusions. A Quarter of a Century Later

V. N. Kazarin

Irkutsk State University, Irkutsk

Annotation. The accounts of an eyewitness of events taking place in Moscow during the USSR breakup are presented. Public sentiments in summer 1990, particularly after defeat of State Committee of the State of Emergency in autumn and winter 1991 are described. In a specific context the author shows sharp economic and financial slowdown during this period. Expectations of people, higher educational establishments' staff first of all, concerning the steps of overcoming the systemic crisis facing the state are featured. The author comes to a conclusion that in 1991 USSR dissolution was inevitable. A quarter of a century later it became evident that the ideas of the nation's future and world order were too optimistic and to a great extent romantic and illusory. The state and world community were not what they were thought of in time of the USSR collapse.

Keywords: the USSR, Moscow, 1991, dissipation of a state, current issues of world development.

Казарин Виктор Николаевич

*доктор исторических наук, профессор,
кафедра конституционного права
и теории права, Юридический институт
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
тел.: 8(3952)521182
e-mail: kazarinvik@yandex.ru*

Kazarin Victor Nikolayevich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of Constitutional Law
and Theory of Law, Law Institute
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)521182
e-mail: kazarinvik@yandex.ru*